УДК 327

Алексей ГРОМЫКО

МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА*

Аннотация. Статья посвящена феномену политического неолиберализма, его генезису и эволюции. Предмет исследования изучается с помощью методологии на стыке политической философии, политической теории и теории международных отношений. Автор анализирует дискурс “заката Европы” и шире – западноцентричного мира, сквозь призму изменения тех форм классического либерализма, которые стали частью политической идеологии. Особое внимание уделено политическому неолиберализму, который из некогда динамичной системы принципов и ценностей превратился в догму и ассоциируется с наименее популярными сторонами гиперфазы глобализации. Описаны элементы ослабления западноцентризма, включая стратегическую расстыковку США и их европейских союзников. Затронута тема милитаризации мышления и внешней политики ряда стран. Автор считает, что деградация политического неолиберализма расчищает путь для поиска нового баланса между идейными традициями либерализма, консерватизма и коллективизма.

Ключевые слова: политический неолиберализм, либерализм, консерватизм, коллективизм, теория международных отношений, идеология, закат Европы, западноцентризм.

Изменения в политических процессах и европейских партийно-политических системах, в экспертном дискурсе специалистов-международников, в сопутствующих нарративах продолжают идти быстрыми темпами. В своё время мы давали оценку феномену либерального политического истеблишмента (ЛПИ), его дифференциации на ортодоксальную и умеренную части, возникновению “новой политической альтернативы” [Громыко, 2018: 5–16]. ЛПИ – явление, истоки которого можно проследить в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны, но которое сформировалась в своём современном виде в последние 40 лет. Оно ста-

* Автор выражает благодарность за высказанные рекомендации и замечания в ходе работы над статьёй Ю.А. Борко и Ю.И. Рубинскому (ИЕ РАН), Т.А. Алексеевой и М.М. Лебедевой (МГИМО(У) МИД России), П.А. Цыганкову (МГУ им. М.В. Ломоносова).

© **Громыко Алексей Анатольевич** – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, председатель Ассоциации европейских исследований (АЕВИС), заведующий кафедры теории и истории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220200619>

ло политическим оформлением неолиберальной волны, прокатившейся по миру в 1980-е – 1990-е гг. Среди опорных принципов ЛПИ значатся как классические принципы послевоенного устройства западного мира (евроатлантизм, самоидентификация на основе понятия Запада во главе с США, обязательное членство своих стран в НАТО, ЕС или теснейшая с ними ассоциация), так и укоренившиеся в неолиберальную эпоху (глобализация на основе политэкономии Вашингтонского консенсуса, отказ от “мягкой силы” в пользу “либерального интервенционализма”, курс на обострение геополитической конкуренции, подмена послевоенного универсального международного права категориями “многосторонности” и “порядка, основанного на правилах”, агрессивное продвижение ультралиберальных социальных норм). Для приверженцев этого течения политической мысли происходящие изменения в расстановке сил на мировой арене наиболее болезненные. Начиная с 2016 г., их опасения по поводу перспектив западнотрансатлантического многократно возросли из-за феномена брекзита и в результате ускорения при Д. Трампе стратегического дрейфа США из Европы в Азию.

Эрозия ЛПИ происходит в русле стратегической расстыковки США и их европейских союзников. Относительное ослабление мировых позиций западных стран, включая США, изменение баланса сил в мире, перераспределение между ними ролей и ответственности за различные элементы мировой политики стали темами регулярных исследований в России и за рубежом с начала нового столетия. Событийным спусковым крючком для переосмысления перспектив Евроатлантики стали террористические атаки на США в сентябре 2001 г., вторжение в Ирак в 2003 г. с его последствиями, взлёт неоконсерватизма в американской внешней политике и реакция на него других стран, представителей иных школ внешнеполитической мысли.

По мере развития дискурса о состоянии дел в сфере международных отношений использовались как давно существующие, так и новые категории, предлагались перелицованные или действительно новаторские концепции и интерпретации событий, их предпосылок и последствий. В широкий оборот вошли понятия (будь то новые или имевшиеся, но возрождённые в новом контексте) концерта держав, новой холодной войны, новой нормальности, панъевропеизма, европочвенничества, еврозападничества, новой биполярности, Хельсинки-2, нишевой державы, двухъядерного Запада, многосторонности, порядка, основанного на правилах, стрессоустойчивости и другие, включая новоиспечённую “незападность” (westlessness)¹. Многие термины и концепции без какого-либо критического осмысления, что вполне объяснимо, были включены в отечественный научный оборот в период полного доминирования западной теории международных отношений, последовавший за распадом Советского Союза². Пожалуй, одной из немногих сфер международных исследований, в которой уже тогда были предложены оригинальные концепции и подходы, были области цивилизационных и геополитических исследований³.

¹ Munich Security Report 2020. Westlessness. 2020.

www.securityconference.org/en/publications/munich-security-report/

² Об особенностях российской ТМО см.: [Цыганков А.П., Цыганков П.А., 2019: 8–18].

³ Например, см.: [Цимбурский, 2007; Россия в многообразии цивилизаций, 2011; Яковец, 2017–2018].

В постсоветской России вопрос о создании обособленной теории международных отношений по большому счёту не ставился, в отличие, например, от Китая. Одновременно прикладная внешнеполитическая аналитика в России – одна из самых сильных в мире. Конечно, создание некой собственной обособленной ТМО – путь тупиковый в силу интернациональной природы науки о международных отношениях, как, впрочем, и любой другой современной области знания. Однако для страны, которая претендует на ведущие роли в модернизации, тем более, в формировании новой международной повестки дня, обновлённой системы глобального управления, необходимо быть ключевым актором в модернизации и развитии ТМО. Последняя не только объясняет прошлое и настоящее, не только изучает мир, “какой он есть”, но работает на упреждение, занимается прогнозированием, формулирует новые концепты и понятия, обосновывая и корректируя внешнюю политику конкретного государства, тем самым задавая отчасти само течение событий в будущем¹. На сегодня, как представляется, наиболее весомый вклад в ТМО, помимо геополитических и цивилизационных сюжетов, российские учёные внесли, развивая концепцию многополярности/полицентризма, в том числе через призму региональных исследований [Россия в полицентричном мире, 2011; Russia in a Polycentric World, 2012; Европа между трёх океанов, 2019]. Большие наработки в осмыслении эволюции системы международных отношений прослеживаются в официальных документах, прежде всего в концепциях внешней политики России [Неймарк, 2020].

Занимать сильные позиции в развитии теории международных отношений важно не только для значимости собственной науки как самоцели, но для выполнения прикладных задач, включая фундаментальность национального образования, формирование экспертного и общественного мнения в стране и за рубежом, нарративов и терминов, рождённых в отечественном котле научной мысли. В противном случае трудно уйти от подражательства и “игры по чужим правилам”. Самый объективный американский, французский и иной другой учёный-международник всегда будет тяготеть к тому, чтобы смотреть на мир сквозь призму культурной и исторической матрицы своей страны. Наука интернациональна по своей природе, но не менее ценны её разнообразие, соревновательность и многоголосие, которые создаются различными школами мысли, и которые, в свою очередь, коренятся в том или ином национальном опыте.

Международные исследования как отрасль знания возникли в западной науке, но это не значит, что у отечественной учёных здесь нет конкурентных преимуществ. Во-первых, сама структура мировой политики уже давно не предопределяет засилья западной мысли. Например, такой ключевой элемент мировой политики, как Организация Объединённых Наций, созданная в 1945 г., и в целом Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, были совместными проектами Запада и Востока. Не удивительно, что современный нарратив “либерального мирового порядка” направлен на то, чтобы ретроспективно обнулить роль России в создании ряда универсальных механизмов глобального управления, не находящихся под чьим-либо контролем. Во-вторых, в России до сих пор сохранилась академическая наука, как и крупные исследовательские центры в ряде университетов. Они обеспечивают фундаментальный, комплексный, междисциплинарный, долговре-

¹ Рассуждения об этом смотри также в: [Алексеева, Лебедева, 2016: 29–43].

менный подход к исследованию международных отношений и мировой политики, которым обладают лишь считанные зарубежные аналоги. В-третьих, переходный характер международных отношений, их уход от западноцентричности дают возможность уйти и от западноцентричности в международных исследованиях, в чём-то начать с чистого листа. Вероятно, перспективнее всего это делать на стыке политической философии, политической теории и теории международных отношений, что уже предложено рядом российских учёных и используется в написании крупных трудов [Алексеева, 2016; Современная политическая наука. Методология, 2019; Алексеева, 2019]. Имея в виду именно такой методологический подход, написана данная статья.

Баланс сил в мире и либеральная идея

Тема изменения конфигураций мировых и региональных игроков, правил, регулирующих их взаимоотношения, имеет давнюю историю, которая намного старше XX века. Она находила своё воплощение в разные исторические эпохи в трудах Фукидида и Н. Макиавелли, Р. Челлена и Х. Маккиндера, К.Н. Леонтьева и Н.С. Трубецкого, П. Галлуа и Г. Киссинджера. Большую часть Нового и Новейшего времени под изменением баланса сил понималось прежде всего их распределение и перераспределение на Европейском континенте (между европейскими империями), а по мере усиления США и окончательно после ухода в прошлое биполярного мира – внутри коллективного Запада. В XIX веке ещё существовали крупные неевропейские центры силы, в первую очередь Китай и Османская империя. Однако Китай в результате Опиумных войн был низведён в мировом табеле о рангах даже не на вторые, а на третьи роли, а Турция фактически была элементом системы международных отношений, во главе которой стояли европейцы. Первую брешь в этом заведённом порядке вещей пробила Первая мировая война, под впечатлением которой была написана хрестоматийная работа О. Шпенглера “Закат Европы”. Вторая мировая война и её последствия, с одной стороны, ещё больше понизили статус европоцентризма в мировой политике, но одновременно его частично реабилитировали, проложив дорогу к созданию Европейских сообществ и крупнейшего на сегодняшний день регионального интеграционного проекта.

Предтечей современной стадии дискурса о “закате Европы” или шире – Запада стала не менее хрестоматийная концепция “столкновения цивилизаций” С. Хантингтона, которая достаточно быстро, благодаря ходу событий, одержала верх над прогнозами Ф. Фукуямы [Huntington, 1996; Fukuyama, 1992]. Вновь возродились рассуждения в духе европейского декаданса. Задолго до миграционного кризиса 2015 г. в Старом Свете и прихода годом позже к власти в США Д. Трампа тему “смерти Запада” в привязке к демографическим и миграционным процессам поставил Патрик Бьюканен [Buchanan, 2001]. Всё более дифференцированными становились интерпретации самого понятия Запад [Uses of the West: Security and the Politics of Orde, 2017]. Обсуждение его “разложения” ведётся на страницах большинства западных специализированных журналов¹.

И всё же потребовалось немало лет, чтобы не только среди теоретиков международных отношений, но и в евроатлантическом экспертном сообществе, сопрово-

¹ Например, см.: [Kumm, Havercroft, Dunoff, Wiener, 2017: 1–11].

ждающем внешнюю политику западных стран и организаций, был признан факт относительного ослабления США и Запада в целом и возвышения других государств и регионов в качестве важных участников механизмов глобального и регионального управления. Ещё медленнее происходило осознание этого факта в рядах западного политического истеблишмента, особенно европейского.

В кризисе, в первую очередь, оказалась либеральная идея, точнее её неолиберальная разновидность. “Нынче большинство либералов либо разъярены, – пишет И. Крастев, – либо напуганы. Они ощущают себя обманутыми историей, или, точнее говоря, идеей “конца истории”¹. Под вопрос ставятся судьбы либеральной демократии как таковой. Сам Ф. Фукуяма, характеризуя её как “режим, который балансирует на опорах государства, законности и подотчётности” [Fukuyama, 2014: 541], приходит к удручающему, с точки зрения сторонников ЛПИ, выводу: “...институциональные формы, воспринятые определёнными странами, такими как Соединённые Штаты, не являются универсальными моделями. ...Никто из живущих в укоренённой либеральной демократии не должен считать её выживание гарантированным. Не существует автоматического механизма в истории, который делает прогресс неизбежным...” [Fukuyama, 2014: 542, 548].

О какой же разновидности либерализма идёт речь? Масштабные видоизменения классического либерализма начались после Второй мировой войны. Для этого потребовалось, чтобы доктрина свободного рынка была опрокинута Великой депрессией в 1930-е гг. и чтобы социальный либерализм восторжествовал после 1945 г. на волне послевоенных массовых ожиданий. Тогда история либеральной мысли продемонстрировала, что либерализм может быть вместилищем гуманистической традиции в союзе с левой идеей. Такой союз привёл к внедрению практики социального государства и социального рынка, создал феномен государства благосостояния, на котором здесь до сих пор во многом зиждется социальный мир в Европе. У. Беверидж, один из идейных отцов-основателей государства благосостояния, был не консерватором и не социал-демократом, а известным деятелем Либеральной партии Британии.

Следующий период крупных изменений пришёлся на 1970-е – 1980-е гг., когда получил распространение экономический неолиберализм на основании идей (в части социальной и экономической теории) Ф. фон Хайека, Л. фон Мизеса, К. Поппера, И. Берлина, М. Фридмана и др. Достаточно быстро экономический неолиберализм перерос в политический, воплотившись в феноменах тэтчеризма и рейганомии.

В 1990-е и 2000-е гг. на фоне раскручивания ультрафазы глобализации политический неолиберализм превращался из динамичной и для своего времени эффективной концепции в догматическую, а по ряду вопросов – в политическую идеологию, нетерпимую к иным взглядам. Продвижение неолиберальных идей с конца 1990-х гг. стало срачиваться с силовыми методами изменения действительности, будь то концепции “гуманитарной интервенции”, “смены режима” или “демократической революции”. В этом либерализм слился с правым консерватизмом (неоконсерватизмом), создав гремучую смесь, которая породила идею “либеральной военной интервенции”. Президент Франции Э. Макрон сказал об этом так: “Иногда мы

¹ Крастев И. Восток разлюбил Запад. IPG – Международная политика и общество, фонд им. Ф. Эберта. 24.02.2020. <https://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/vostok-razljubil-zapad-1003/> (дата посещения 13.03.2020).

ошибочно пытались насадить наши ценности, изменить режимы без участия народов. Так было в Ираке и Ливии... в определенные моменты такие мысли были и в отношении Сирии, но там всё провалилось. В целом, этот элемент западного подхода, без сомнения, был большой ошибкой начала нового века. Он стал результатом слияния двух течений: права на вмешательство и неоконсерватизма. Они переплелись и дали эти трагические результаты. Потому что, как мне кажется, через суверенитет народов нельзя переступить” [President Macron in his own words, 7 November 2019].

Предотвратить новую ремилитаризацию политики западных стран не удалось ни на базе идей “мягкой” и “умной” силы Дж. Ная, ни основываясь на философии нормативной силы ЕС. К настоящему времени силовой способ решения проблем превратился в основной для США, а сформированная осенью 2019 г. Еврокомиссия официально провозгласила ЕС геополитической силой, хотя в недалёком прошлом этот термин использовали в ЕС в основном как бранный¹. Политический неолиберализм, концептуально разработанный в 1970-е гг., в том числе с использованием идей классического либерализма, долгое время имел широкую электоральную базу, наиболее многочисленной частью которой был средний класс. С течением времени произошло его перерождение, в результате чего он превратился в идеологию, обслуживающую глобальную финансовую олигархию. Средний класс, возникший в эпоху государства благосостояния, стал размываться и расслаиваться с обеднением своих нижних слоёв. Эти процессы были среди основных причин, приведших в 2008 г. к Великой рецессии и к появлению феномена нового популизма.

Кризис политического неолиберализма, вышедшего из лона либерализма как политической философии и проделавшего путь от политической теории до политической идеологии, неразрывно связан с нарастанием проблем в отношениях между государствами по обе стороны Атлантического океана. Уже 20 лет назад не было недостатка в предупреждениях о стратегическом расхождении США и их европейских союзников [Hutton, 2002; Leonard, 2004; Rifkin, 2004]. К настоящему времени отношение к феномену снижения роли Запада в международных делах изменилось настолько, что вместо иррационального отрицания происходящего перераспределения сил в мире в пользу не-Запада можно нередко встретить противоположную крайность – свехлармистские настроения по поводу утраты им каких-либо лидирующих позиций. Дамбиса Мойо, вошедшая в 2009 г. в сотню самых влиятельных людей в мире по версии журнала “Тайм”, пишет: “...США стоят на дороге к созданию наихудшей, самой продажной формы государства... которая рождается из отчаяния в результате многолетней неверной экономической политики и в обществе, которое ненасытно пожирает само себя” [Мойо, 2011: 279]. Раньше в психологии “осаждённой крепости” на Западе постоянно обвиняли Россию, теперь же там сами неустанно занимаются поисками врагов внешних и внутренних. Особую роль в усугублении этих настроений сыграли брекзит и внешняя политика Д. Трампа, хотя пересмотр внешнеполитической и военной стратегии начался не при нём, а при Дж.

¹ A Union that strives for more. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, The European economic and social Committee and the Committee of the regions. Commission Work Programme 2020. 29.01.2020. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar%3A7ae642ea-4340-11ea-b81b-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF. (Дата посещения 20.03.2020).

Буше-младшем и Б. Обаме. О последнем Р. Каган писал в 2015 г.: “Он, вероятно, первый президент [США] после Второй мировой войны, которому совершенно всё равно, что происходит в Европе”¹. Именно при Б. Обаме достаточно объективный анализ реальных ресурсов и возможностей США стал переключиваться из исследований мозговых центров в официальные документы².

Необходимо отметить, что на научном и экспертном уровне уязвимость внешней политики США, методов и принципов, на основе которых она проводится, включая одержимость доминированием и игнорирование мнения других, становились объектом постоянной критики задолго до прихода в Белый дом перечисленных выше президентов. Хрестоматийной в этом отношении является книга Дж. Фулбрайта “Самонадеянность силы”, опубликованная в далёком 1966 г. [Fulbright, 1966]. За несколько лет до него Рональд Стил писал о том, как страдают евроатлантические связи из-за отношения США к их европейским союзникам как к сателлитам [Steel, 1964]. Всегда было сильно мнение, что либеральный мировой порядок (или его синоним – “мировой порядок, основанный на правилах”), без упоминания которого теперь не обходится почти ни один западный внешнеполитический документ или исследование, посвящённые международным делам, практически никогда на деле не был либеральным по своей сути. “У США есть лишь несколько союзников, если вообще сколько-нибудь. В действительности они располагают набором наций, с которыми они поддерживают отношения соподчинения” [McCarthy, No 30, Spring 1978: 3], – это сказано не в наши дни, а в 1978 г. известным американским политиком Юджином Маккарти³. Однако в 1960-е – 1990-е гг. такая критика носила, скорее, предупреждающий характер, большей частью она игнорировалась американским политическим истеблишментом и в целом не меняла внешнеполитическое поведение США.

Неолиберализм – от политической теории к политической идеологии и пропаганде

Усиливающаяся неуверенность Запада в своём будущем обострила споры о роли государства-нации, которые начались ещё в 1990-е гг., о природе демократии как таковой. Принципы либеральной демократии как разновидности политической демократии (плюральной демократии), учитывающей интересы меньшинств, всё больше стали ставиться под вопрос сторонниками мажоритарной демократии (демократии большинства) и прямого волеизъявления народа, что опять же ярко высветил брекзит. Особую политическую и идеологическую чувствительность обрели дискуссии о перспективах либеральной мысли и практики и как ответвление – либерального мирового порядка. Последняя категория превратилась в одну из наиболее употребляемых в исследованиях о международных отношениях, став фактически клише в лексиконе ЛПИ. Вот одна из многочисленных цитат с использованием

¹ Kagan R. The Crisis of World Order // The World Street Journal, 20 November 2015. <https://www.wsj.com/articles/the-crisis-of-world-order-1448052095>. (дата посещения 20.03.2020).

² Например, см.: Global Trends. Paradox of Progress. January 2017. The National Intelligence Council. P. ix. <https://www.dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Full-Report.pdf>. (дата посещения 20.03.2020).

³ Ещё в 1967 г. Ю. Маккарти выпустил книгу о пределах силы США: [McCarthy, 1967].

примерно одного и того же набора слов: “Москва применяет разнообразные инструменты для разрушения и подрыва американской гегемонии и либерального порядка” [Ikenberry, Nexon, No 3, 2019: 396; Allison, No 93, May 2017]. Другой пример: “...две мировой войны в первой половине XX века привели к трансформации концерта держав XIX века в либеральный международный порядок, с которым мы живём сегодня” [Maull, No 2, 2019: 7]. Основной лейтмотив большинства западных исследований на эту тему – опасения по поводу заката “либерального порядка” и рецепты, как это предотвратить или хотя бы минимизировать потери “либерального Запада” из-за происходящего перераспределения сил в мире¹.

Массово используя термин либерализм, в том числе в идеологических целях, сторонники ЛПИ “монополизируют” его так же, как термин “Европа” монополизируют в Евросоюзе, применяя его в качестве синонима ЕС. Выражение “либеральная демократия” употребляется вместо “политическая демократия”, “либеральные идеи” – вместо “идеи свободы”, “либеральный международный порядок” – вместо “справедливый международный порядок” и т.д. В действительности речь идёт именно о политическом неолиберализме как об одной из политических теорий, много заимствовавшей у либерализма как политической философии. Возникнув в развитие экономического неолиберализма, позже политический неолиберализм дал жизнь и политической идеологии. Отметим, что каждая из трёх мировых политических философий имеет свои воплощения в виде политических теорий и политических идеологий. Первые исходят из мировоззренческих установок и из принципа “картезианского сомнения”; вторые используют определённый набор идей для их применения в политическом процессе; третьи представляют собой наиболее редуцированные формы политических философий и направлены на достижение конкретных целей в партийно-политической борьбе. После развала Советского Союза и социалистического лагеря, отступления по всему миру левой идеи возникло искушение универсализации либеральных принципов, изображения их как основ западной культуры, начиная с эпохи Просвещения. Французский философ Ш. Дельсоль так описывает эту интерпретацию истории идей: “В течение двухсот лет после Великой французской революции западная культура претендовала на статус гаранта универсальных ценностей для обоснования своего распространения по всему миру” [Delsol, Spring 2019: 21].

На фоне активно продвигаемого дискурса о судьбах либерализма (точнее – неолиберализма) всё большему забвению предаются наследие и классические представления о трёх великих традициях политической мысли: либерализме, консерватизме и коллективизме². По историческим меркам ещё не так давно их значимость и востребованность, необходимость поиска эффективного баланса между ними в интересах общественного развития считались очевидными. В послевоенную эпоху “массовых партий” и классовой политики партийно-политические системы демократических стран балансировали между этими тремя политическими философиями, на базе которых создавались конкретные политические идеологии (левые, правые, центристские). По сути, речь шла о соотношении ценностей свободы, традиции и справедливости; другими словами о том, как должны строиться отношения между индивидом и обществом и между ними и государством.

¹ Например, см.: [Guillén, No 2, 2019: 87–90].

² Например, см.: [Greenleaf, 1983].

Однако переключение глобализации в 1980-е гг. на неолиберальный путь развития привело к явному вытеснению свода идей консерватизма и коллективизма из политического дискурса и процесса в сфере партийно-политических систем – к возникновению “универсальных партий” без чёткой классовой ориентации, доминированию неолиберализма не только в экономике, но и в политике. Именно об этом говорил Дж. Кьеца в отношении отката левой идеи, напоминая о тезисах А. Грамши в “Тюремных тетрадах”: “Я говорю об общеевропейском тренде... левые капитулировали и стали послушно следовать в русле единого тоталитарного навязанного миру западного дискурса” [Кьеца, 2018: 3]. И всё же о засилье неолиберализма часто продолжают рассуждать, как о либерализме. Так, В. Меркель, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта, пишет: “[в] Германии, как и в большинстве западных стран (не в Восточной Европе), в общественном дискурсе наблюдается чёткое преобладание либерализма”¹. По мнению нидерландского политолога К. Мудде из университета Джорджии, кризис либеральной демократии сегодня состоит в том, что “в её сердце – идеологический вакуум” [Mudde, 2020: 11]. Конечно, в партийно-политических системах многих стран по-прежнему существуют либеральные партии, генетически связанные с классическим либерализмом и его последующими разновидностями. Более того, например, в новом составе Европейского парламента после выборов в мае 2019 г. они укрепили свои позиции.

Однако политический неолиберализм претендует на нечто большее – на парадигмальную роль в духе “конца истории”. Но в отличие от 1980-х – 1990-х гг., когда “конец истории” предполагал окончательный триумф именно либеральной демократии, позже речь пошла не столько об идеологии рыночного раскрепощения и “отбрасывания государственного влияния назад”, сколько об обосновании новой фазы глобализации и огромной власти транснационального капитала, особенно в сфере информационных и коммуникационных технологий, Интернета, социальных сетей, больших данных, программного обеспечения.

После того как США в стратегии национальной безопасности 2017 г. провозгласили тезис о возобновлении геополитической конкуренции и большинство их союзников с этим быстро согласилось, политический дискурс в условиях информационных войн форсировал представление о либерализме как о доминирующей системе ценностей. Вновь стали абсолютизировать права индивидуума и правозащитную тематику, включающую теперь набор постмодернистских ценностей, делать упор на политические и гражданские права в ущерб экономическим и социальным. Этот нарратив стал “переливаться” во внешнеполитическую сферу с делением государств на сторонников “многосторонности”, “порядка, основанного на правилах”, и на всех других, на “либеральные” и “нелиберальные” государства, фетишизировать одни свободы и пренебрегать другими. Для преодоления кризиса в собственном развитии, пишет Н. Гнесотто, “на Западе вновь прибегли к бескомпромиссной идеологической борьбе, но на сей раз не между Востоком и Западом... а между либеральными демократами и суверенными автократами” [Gnesotto, 2016: 35–66]. В

¹ Меркель В. Гегемония левых либеральных сил и гипертрофированное самолюбие. IPG – Международная политика и общество, фонд им. Ф. Эберта. 13.11.2019. <https://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/gegemonija-levykh-liberalnykh-sil-i-gipertrofirovannoe-samoljubie-930/> (дата посещения 17.03.2020).

дискурсе о международных отношениях неолиберализм ринулся подминать под себя другие школы мысли, в первую очередь, теорию и практику реализма.

Использование различных граней либерализма как политической идеологии было распространено и в прошлом. Так, в годы холодной войны такой подход, основанный на ценностях, выглядел достаточно убедительным в условиях противоборства двух мировоззренческих систем – социализма и капитализма. Но сейчас такого противоборства в больших масштабах не существует. Монополия на “либеральную истину” опиралась и на другие аргументы рационального свойства, например, о более высоком благосостоянии населения в странах “либеральной демократии” и большей эффективности их модели развития. Однако и они сегодня плохо работают в условиях быстрого и длительного экономического роста многих государств, которых сторонники ЛПИ относят к нелиберальным, в первую очередь Китай, Вьетнам и др.

Происходящая путаница и подмена понятий объясняется достаточно просто – конструируются определённые понятия-символы, якобы не требующие доказательства; они внедряют в массовое сознание априори “правильные” смыслы, как положительные, так и отрицательные. В ситуации омассовления (депрофессионализации и примитивизации) дискурса о системах политических идей и ценностей за скобки выводятся размышления о соотношении либерализма и демократии, не говоря уже о мажоритарной и плюральной формах последней. Такое судьбоносное решение, как брекзит, принято незначительным большинством голосов подданных Соединённого Королевства, причём путём референдума, т.е. через голову механизмов представительной демократии. Но одновременно в этой же стране, как и у её континентальных соседей, абсолютизируются права, например, сексменьшинств. В свете этого дискредитируется само представление о либерализме как о политической философии, которая имеет мало общего с политическим неолиберализмом.

В результате примитивности и крайнего упрощенчества в пропаганде политического неолиберализма его адепты оказывают медвежью услугу самой либеральной философии. Ситуация здесь схожа с тем, как в российском массовом сознании в 1990-е гг. были во многом дискредитированы ценности демократии, которыми прикрывались “реформы”, создавшие в стране олигархический капитализм. Необходимость напоминания об истинном смысле либерализма, который так деформируют и его оголтелые критики, и чрезмерно рьяные сторонники, понимают многие не только на Западе, но и в России. Так, С.Ф. Черняховский указывает, что либерализм был рождён веком Просвещения и что либерализм – “это явление такого масштаба, которое не может быть уничтожено благодаря неудачной авантюре той или иной политической партии” [Черняховский, 2019: 38].

20–30 лет назад в Западной Европе и США шло активное обсуждение альтернативных моделей рыночного и общественного развития (например, “третий путь” в Британии, “средний путь” в Германии, коммунитаризм в США, экономика стейкхолдерства и др.). Этот период совпал со временем больших ожиданий, вызванных окончанием холодной войны и распадом биполярной системы мира. Однако неоконсервативная волна в США в начале XXI столетия, начало кризисного периода в развитии ЕС подвели под них черту. Великая рецессия нанесла по экономическому и политическому неолиберализму сильный удар, но не смертельный. Стремление с тех пор возродить дискурс о вариативности общественного развития силами разнообразных движений “политической альтернативы”, партии и СМИ старого

мейнстрима восприняли в штыки, без разбора изображая своих оппонентов как безответственных популистов, демагогов и нерукопожатных.

Такая тактика принесла неоднозначные результаты. Крахом закончился левый проект в Греции – феномен Сиризы. В декабре 2019 г. всеобщие выборы в Британии развеяли надежды на приход к власти сторонников корбинизма (по имени лидера Лейбористской партии Дж. Корбина) как обновлённой версии прогрессивной социал-демократии [Inside Left: the meaning of the Corbyn movement, 2019: 21–26]. Достаточно парадоксальным образом, но идеи коллективизма, социальной солидарности, перераспределительной политики громко заявили о себе по другую сторону океана – в лице Б. Сандерса со времени президентской избирательной кампании в США в 2016 гг. Именно он в 2020 г, вновь стал одним из двух основных претендентов на пост президента США от Демократической партии.

На фоне доминирования политического неолиберализма в Европе продолжался демонтаж государства благосостояния и механизмов социального рынка как до, так и после Великой рецессии. Конечно, этот процесс далеко не закончен и подушка социальной безопасности у большинства стран-членов ЕС ещё не исчерпана. Более того, под впечатлением мирового экономического кризиса произошёл определённый перезапуск идеи “социальной Европы” благодаря предыдущему составу Еврокомиссии во главе с Ж.-К. Юнкером [Борко, Биссон, 2019: 5–17]. Но это не повернуло вспять повышение уровня социального неравенства и бедности, увеличение количества прекариата при том, что показатели безработицы в ЕС улучшились в последние годы. Идеи экономики роста, социального контракта в чём-то были реабилитированы, но произошёл лишь их косметический ремонт. С 2020 г. мировая экономика вновь входит в период замедления – тенденция, которая проявилась задолго до начала эпидемии коронавируса и была им лишь ускорена.

Сущностное обсуждение проблем социальной справедливости и учёта интересов уязвимых слоёв населения в европейских странах всё чаще подменяется обсуждением проблем “иного измерения”, например, “зелёной” и климатической повестки дня, вокруг которых как “сверху”, так и “снизу” выстраиваются массовые общественные движения, ориентированные в первую очередь на молодёжь. Они вытесняют привычный набор представлений о главных вызовах и угрозах; например, до мизерных размеров сократилось антивоенное движение, хотя мир как никогда за последние 50 лет в нём нуждается. Лишь немногие голоса в России и на Западе призывают одуматься и прекратить переносить трафарет “новой нормальности” на сферу контроля над вооружениями [Арбатов, 2019, № 11: 5–16; Arbatov, No 3, 2019: 7–38; Lewis, 2020: 59–64; О новом понимании стратегической стабильности, 2019: 4–21].

К началу 2020-х гг. банкротство неолиберальных идей в политике и экономике стало очевидным. Очередной удар по концепции либерального мирового порядка нанёс брекзит. Решение выйти из ЕС такой страны, как Британия, поколебало фундамент западноевропейской интеграции и более того – западную картину мира. Развитие ЕС всегда рассматривалось как бесповоротный и нескончаемый процесс, превратившийся в своего рода светскую религию и непререкаемую аксиому. На представлении о том, что Евросоюз является воплощением лучших достижений человечества и членство в нём – счастье для любой страны, зиждилась вся философия “европейской мечты”. Считалось, что, опираясь на неё, ЕС станет в XXI веке новым глобальным лидером, затмив “американскую мечту”.

“Стенобитной машиной” британских евроскептиков для пролома бреши для побега из ЕС стали не столько соображения материальной выгоды от брекзита, сколько идеология британской личности, величия, исторического комплекса превосходства над континентальными соседями. А это на порядок усилило болезненность событий для сторонников евроинтеграции, так как наносило удар, в первую очередь, не по её “телу” – экономике, а в самое сердце – по системе ценностей, которая в массовом сознании оказалась накрепко привязанной к термину либеральный.

Политкорректности в отношении и экономического, и политического неолиберализма перестали придерживаться даже ведущие фигуры западного истеблишмента. В интервью журналу “Экономист” президент Франции Э. Макрон заявил: “...мы столкнулись с кризисом внутри самой Европы; это экономический, социальный, моральный и политический кризис, который начался десять лет назад... Существует глубокое направление мысли, сложившееся в период между 1990 и 2000 годами вокруг идеи “конца истории” и бесконечного расширения демократии, а также триумфа Запада как универсальной системы ценностей. На тот момент, до 2000-х годов, это была общепризнанная истина, после чего в результате ряда потрясений мы увидели, что на самом деле всё обстоит иначе” [President Macron in his own words, 7 November 2019]. Добавим, что в терминологии ЛПИ упомянутая “универсальная система ценностей” и является “либеральной”.

* * *

То, что мы наблюдаем сегодня, это ослабление не либерализма как политической философии, а отступление западноцентричного мирового порядка и обслуживающего его политического неолиберализма, который в своей части вырождается в пропаганду, в том числе псевдонаучную. Эта разновидность либерализма в результате нескольких десятилетий идейной гегемонии эволюционировала из политической теории в динамичную, а затем догматичную политическую идеологию. Последняя обслуживает интересы финансовой олигархии, гиперглобализацию и правящие элиты, воспитанные на упрощённых принципах Вашингтонского консенсуса, однополярного мира, военных интервенций, вмешательства в дела других государств. Побочным следствием этого процесса стало нагнетание впечатления о кризисе либерализма как такового. Однако политический неолиберализм сдаёт свои позиции так же неизбежно, как неизбежно происходит перераспределение сил в мире, высвобождая путь для поиска нового баланса между политическими традициями либерализма, консерватизма и коллективизма. Этот поиск крайне важен не только для политической теории, но и для теории международных отношений, развитие и практическое применение которой окажут самое непосредственное влияние на поведение субъектов мировой политики в последующие годы.

Список литературы

- Алексеева Т.А., Лебедева М.М. (2016) Что происходит с теорией международных отношений. *Полит. Политические исследования*. № 1, с. 29–43.
- Алексеева Т.А. (2019) Теория международных отношений как политическая философия и наука. Аспект пресс, Москва, Россия.
- Арбатов А.Г. (2019) Грезы и реальности контроля над вооружениями. *Мировая экономика и международные отношения*, № 11, с. 5–16.
- Борко Ю.А., Биссон Л.С. (2019) Европейская интеграция: перезапуск идеи “социальной Европы”. *Современная Европа*, № 6, с. 5–17.

- Громыко Ал.А. (2018) Расколотый Запад: последствия для Евroatлантики. *Современная Европа*, № 4, с. 5–16.
- Европа между трёх океанов* (2019) Под ред. Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. Институт Европы РАН, Нестор-История, Москва, Россия.
- Къеза Дж. (2018) Новый Европейский популизм: Италия начинает. *Изборский клуб*, № 6, с. 3.
- Мойо Д. (2011) *Как погиб Запад*. Центрполиграф, Москва, Россия, с. 279.
- Неймарк М.А. (2020) *Эволюция внешнеполитической стратегии России*. Проспект, Москва, Россия.
- О новом понимании стратегической стабильности (2019) *Международная жизнь*, декабрь 2019. с. 4–21.
- Россия в многообразии цивилизаций* (2011) Под ред. Шмелёва Н.П., Тимофеева Т.Т., Фёдорова В.П., Институт Европы РАН, Весь мир, Москва, Россия.
- Россия в полицентричном мире* (2011) Под ред. Дынкина А.А., Ивановой Н.И. Весь мир, Москва, Россия.
- Современная политическая наука. Методология* (2019) Под ред. Гаман-Голутвиной О.В., Никитина А.И. РАН, МГИМО, Аспект Пресс, Москва, Россия.
- Цимбурский В.Л. (2007) *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы*. Российская политическая энциклопедия. Москва, Россия.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. (2019) Теория международных отношений и образ желаемого завтра. *Международные процессы*, № 2, апрель – июнь 2019, с. 8–18.
- Черняховский С.Ф. (2019) От какого либерализма мы отказываемся. *Славяне*, № 3, с. 38.
- Яковец Ю.В. (2017–2018) Собрание сочинений. Международный институт Питирима Сорокина и Николая Кондратьева. Москва, Россия.

References

- Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. (2016) Chto proiskhodit s teoriej mezhdunarodnyh otnoshenij. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. № 1, pp. 29–43.
- Alekseeva T.A. (2019) Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij kak politicheskaya filosofiya i nauka. Aspekt press, Moscow, Russia.
- Arbatov A.G. (2019) Grezy i real'nosti kontrolya nad vooruzheniyami. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, № 11, pp. 5–16.
- Borko Yu.A., Bisson L.S. (2019) Evropejskaya integraciya: perezapusk idei "social'noj Evropy". *Sovremennaya Evropa*, № 6, pp. 5–17.
- Gromyko Al.A. (2018) Raskolotyj Zapad: posledstviya dlya Evroatlantiki. *Sovremennaya Evropa*, № 4, pp. 5–16.
- Европа между трёх океанов* (2019) Под ред. Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. Институт Европы РАН, Нестор-История, Москва, Россия.
- K'eza Dzh. (2018) Novyj Evropejskij populizm: Italiya nachinaet. *Izbornyj klub*, № 6, p. 3.
- Mojo D. (2011) *Kak pogib Zapad*. Centrpoligraf, Moscow, Russia, P. 279.
- Nejmark M.A. (2020) Evolyuciya vneshnepoliticheskoy strategii Rossii. Prospekt, Moscow, Russia.
- О новом понимании стратегической стабильности (2019) *Международная жизнь*, декабрь 2019. pp. 4–21.
- Rossiya v mnogoobrazii civilizacij (2011) Institut Evropy RAN, Ves' mir, Moscow, Russia.
- Rossiya v policentrichnom mire (2011) Pod red. Dynkina A.A., Ivanovoj N.I. Ves' mir, Moscow, Russia.
- Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya (2019) Pod red. Gaman-Golutvinoj O.V., Nikitina A.I. RAPN, MGIMO, Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Cimburskij V.L. (2007) Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty. Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. Moscow, Russia.
- Cygankov A.P., Cygankov P.A. (2019) Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij i obraz zhelaemogo zavtra. *Mezhdunarodnye processy*, № 2, aprel' – iyun' 2019, pp. 8–18.
- Chernyahovskij S.F. (2019) Ot kakogo liberalizma my otkazyvaemsya. *Slavyane*, № 3, pp. 38.
- Yakovec Yu.V. (2017–2018) Sbranie sochinenij. Mezhdunarodnyj institut Pitirima Sorokina i Nikolaya Kondrat'eva. Moscow, Russia.
- Allison R. (2017) Russia and the Post-2014 International Legal Order: Revisionism and Realpolitik. *International Affairs*, No 93, May 2017.
- Arbatov A. (2019) Mad Momentum Redux. The Rise and Fall of Nuclear Arms Control. *Survival*, No 3, pp. 7–38.

- Boyle M.J. (2016) The Coming Illiberal Order. *Survival*, No 2, pp. 35–66.
- Buchanan P. (2001) The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization. Thomas Dunne Books, New York, USA.
- Delsol Ch. (2019) The Waning of Universalism. *Politix étrangère*, Spring 2019, pp. 21.
- Fukuyama F. (2014) Political Order and Political Decay. Profile Books, London, pp. 541.
- Fukuyama F. (1992) The End of History and The Last Man. Free Press, New York, USA.
- Fulbright J.W. (1966) The Arrogance of Power. Random House, New York, USA.
- Gnesotto N. (2019) Europe in Ten Years. *Politix étrangère*, Spring 2019, pp. 139.
- Greenleaf W.H. (1983) The British Political Tradition. Volume One. The Rise of Collectivism. Volume Two. The Ideological Heritage. Methuen, London, New York, USA.
- Guillén M. (2019) The Demise of the Global Liberal Order. *Survival*, No 2, pp. 87–90.
- Huntington S. (1996) The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, USA, Touchstone.
- Hutton W. (2002) The World We're In. Little, Brown, London.
- Ikenberry G.J., Nexon H.D. (2019) Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders. *Security Studies*, No 3, P. 396.
- Inside Left: the meaning of the Corbyn movement (2019) Prospect, December 2019, pp. 21–26.
- Kumm M., Havercroft J., Dunoff J., Wiener A. (2017) Editorial: The End of “the West” and the Future of Global Constitutionalism. *Global Constitutionalism*, No 1, pp. 1–11.
- Leonard M. (2004) Why Europe Will Run the 21st Century. Fourth Estate, London, New York, USA.
- Lewis J. (2020) The New Arms Race. *Prospect*, January – February 2020. pp. 59–64.
- Maull H.W. (2019) The Once and Future Liberal Order. *Survival*, No 2, pp. 7.
- McCarthy E. (1978) Look, No Allies. *Foreign Policy*, No 30, Spring 1978. pp. 3.
- McCarthy J. (1967) The Limits of Power: America's Role in the World. Holt, Rinehart and Winston, New York, USA.
- Mudde C. (2020) Liberalism on the front foot. *Prospect*, January-February 2020. pp. 11.
- President Macron in his own words. *The French president's interview with The Economist*. (2019) 7 November 2019.
- Rifkin J. (2004) The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. Jeremy P. Tarcher/Penguin, New York, USA.
- Russia in a Polycentric World*. (2012) Ed. Dynkin A.A., Ivanova N.I. Moscow, Russia.
- Steel R. The End of Alliance: America and the Future of Europe. (1964) Viking Press, New York, USA.
- Uses of the West: Security and the Politics of Order. (2017) Ed. by Herborth B., Hellman G. Cambridge University Press.

Metamorphoses of Political Neoliberalism

Author: Gromyko A.I., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe RAS, Chairman of the Association for European studies. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The article is dedicated to the phenomenon of political neoliberalism, its genesis and evolution. The subject of the research is explored on the basis of methodology, which combines political philosophy, political theory and the theory of international relations. The author analyses the discourse of the “decline of Europe” and broader – of the West-centric world through the prism of modified forms of classical liberalism, their transformation from political theory to political ideology. The latter has morphed from the dynamic set of principles and values into its dogmatic version, which associates with most unpopular consequences of the neoliberal phase of globalization. Key elements of political neoliberalism's demise are shown including the strategic decoupling of the US and its European allies. The author dwells upon a topic of militarization in thinking and foreign policy of many countries. He holds that degradation of political neoliberalism opens the way for a renewed balance between liberalism, conservatism and collectivism, including in the theory and practice of international relations.

Key words: Political neoliberalism, liberalism, conservatism, collectivism, theory of international relations, decline of Europe, West-centrism.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220200619>